

Наталья Тартаковская

Родилась в Алма-Ате в 1958 году. Окончила юридический факультет Казахского государственного университета. Работает юрисконсультom. С детства пишет прозу о жизни. С некоторых пор является активным пользователем социальных сетей, где публикует свои истории и обсуждает их с читателями. Ее герои — простые алмаатинцы, «маленькие» люди, живущие на фоне исторических событий последних пятидесяти лет. В «Авроре» публикуется впервые.

Переход

Ребенком я часто бывала в Ташкенте. Мы ездили туда летом в гости к родне на отцовской машине. Отец любил ездить ночью, когда дороги пусты и не так опасны, как днем, а жара спадает. Путь был долгим, скорость небольшой. Помню, как проснувшись от толчка на каком-нибудь ухабе, до того, как снова уснуть, я смотрела на огоньки пролетающих мимо деревень и завидовала людям, живущим неведомой мне жизнью в домишках со святающимися окнами, такими уютными они казались в темноте.

Ташкент был городом огромным, сутолочным, очень азиатским, наполненным запахами готовящейся на улицах еды. Он казался мне не таким красивым, как мой город. В нем повсюду были видны следы страшного землетрясения, но было и нечто, казавшееся фантастическим: подземные переходы под дорогами. Современные материалы, необычный дизайн и сама возможность, спустившись под землю, вынырнуть с другой стороны улицы, обманув свору рычащих автомобилей, казались мне заманчивыми.

Я мечтала о том, что подземные переходы построят и в Алма-Ате. Но мама развеяла мои надежды:

— У нас слишком близко к поверхности подходят грунтовые воды, поэтому такие сооружения невозможны.

Мама знала, о чем говорила: она была строителем по специальности. Кроме того, проблема грунтовых вод постоянно обсуждалась в газетах и по телевидению.

Школа, в которой я училась, находилась на перекрестке двух оживленных, по тем временам широких улиц: проспекта Сейфулина и улицы Гоголя. Конечно, интенсивность движения на улицах невозможно сравнить с нынешней, но и пешеходы в те времена были не такими расторопными, как сегодня. С учениками, бегавшими через дорогу на занятия, не раз приключались несчастья.

Помню, как учительница начальных классов вынесла на рассмотрение пионерским собранием «дело» Нины Федоровой, которая, перебегая дорогу, налетела на машину и металлическим уголком портфеля разбила автомобильный фонарь. Разозленный водитель пришел жаловаться в школу.

Но не всегда приключения школьников на дороге оканчивались так безобидно. Тому пример — наезд огромного грузовика на моего одноклассника Федю Мавриди. Я в тот день подходила к школе по тротуару и увидела, как Федя перебежал улицу Гоголя. Расстояние между нами было небольшим: одна полоса дороги. Я помахала ему рукой:

— Привет, Федя!

Федя, хорошенький кудрявый греческий мальчик, одетый не по форме в зеленые вельветовые шорты, помахал мне в ответ, — и в тот же миг был сбит машиной.

Раздался страшный визг тормозов, крик водителя, и я увидела Федю, лежащего на земле без обуви.

Мальчик сел, испуганно посмотрел по сторонам, поднялся и, пробежав в сторону школы несколько шагов, вновь упал. У бедняги была сломана нога в нескольких местах. Хромота сохранилась на всю жизнь. Шоковое состояние позволило ему совершить короткую пробежку, чем он нанес себе дополнительный невосполнимый вред.

Федя Мавриди был единственным обожаемым сыном завуча школы — известного в городе полиглота Петра Ивановича Мавриди. Учителя рассказывали, что, когда Петр Иванович узнал о происшествии, он, всегда элегантный, начал раздеваться в учительской: снял пиджак, галстук, рубашку... Аккуратно повесил все на спинку стула и, оставшись в майке, упал в обморок.

Случай, принесший столько горя Петру Ивановичу, и положил начало борьбе за строительство пешеходного подземного перехода.

Возглавить битву за переход поручили Ираиде Егоровне — завучу по воспитательной работе. Ираида Егоровна была женщиной про-

стой, высшего образования не имела, а поскольку обладала низким сильным голосом, то преподавала пение. Ее отличительными качествами были неумный активный патриотизм, страстная любовь к коммунистической партии Советского Союза и зычный голос, которым она отдавала команды подвластным ей пионерам и комсомольцам школы.

— Дружина, смир-рно! На красное знамя — р-равняйся! — громогласно вопила она, и вся дружина равнялась.

Били барабаны, трубили горны, активисты выносили знамя, все отдавали ему пионерский салют, и самым красивым был салют, отданный Ираидой Егоровной — перезрелой пионеркой с красным галстуком на мощной груди.

— Да здравствует Коммунистическая Партия Советского Союза! Ур-ра!

Мне казалось, что даже в повседневной жизни Ираида Егоровна разговаривает только рычащими лозунгами. К примеру, в хлебном магазине:

— Продавец, р-равняйся! Булку хлеба на прилавок, ур-ра-а!

По правде сказать, я ни разу не видела ее в магазине.

В пятом классе я сбегала с уроков на утренние сеансы в ближайший кинотеатр. Однажды во время просмотра зарубежного фильма «Гита и Зита», когда я обливалась слезами, сочувствуя злоключениям героинь, внезапно с шумом и лязгом открылась боковая дверь, в зал хлынул ярчайший солнечный свет, и раздался зычный голос Ираиды Егоровны:

— Ученики двенадцатой школы! Встать и выйти!

Все зрители встали и вышли. В зале остался лишь один зритель — он был из другой школы.

Странно, но эта история последствий не имела. Мы были водворены в классы — и все. Наверное, потому что, как сказал Ленин, из всех искусств для нас важнейшим являлось кино.

Ираида обладала уникальной способностью любому мероприятию придать политический характер. Однажды на гастроли в Алма-Ату приехала Эдита Пьеха. В те времена певица являлась неофициальным секс-символом Советского Союза, хотя, как всем известно, секса в Советском Союзе не было. Исполняла она не только патриотические песни.

Помолчим, давай помолчим
здесь, у самого порога,
нас рассудит с тобой дорога,
нас рассудит с тобой дорога,
ну, пожалуйста, помолчим, —

пела Пьеха низким голосом, с акцентом. Думаю, сберегая свой акцент, певица ненавязчиво напоминала власть имущим, что социализм ею был

предпочтен сознательно, в зрелом возрасте, не позволяющем в достаточной мере отточить русский язык.

Достать билеты на концерт было практически невозможно, однако Ираида Егоровна и здесь оказалась на высоте. Под стук барабанов, под звуки горна лучшие пионеры школы взошли на сцену и повязали на шею Эдите, одетой в золотое парчовое платье, красный пионерский галстук. Растроганная «почетная пионерка» не могла не рассадить пионерский десант во главе с Ираидой на лучшие гостевые места, а фотосвидетельства приема в пионеры певицы, не изведавшей в детстве подобного счастья, потом долго украшали школьный стенд под названием «Наша дружина».

Вот этой-то Ираиде Егоровне и было доверено «пробить» подземный переход на углу вышеозначенных улиц.

Для выполнения задачи Ираидой Егоровной была сформирована агитбригада из приглядных голосистых пионеров, подготовившая номер, состоящий из патриотических и жалобно-просительных песен, стихов и сенок. Программа исполнялась в различных государственных инстанциях, уполномоченных принять решение о строительстве перехода или поддержать таковое. Под аккомпанемент горна и барабана агитбригада занимала заранее место на сцене или трибуне и начинала свое выступление, в ходе которого, между пением и стихами, зрителям методом двадцать пятого кадра доводилась печальная статистика дорожных происшествий и количество жертв, а также единственный путь решения проблемы — строительство перехода. Выступление завершалось хоровым чтением опуса Ираиды:

...но за движением таким
и сам Сейфуллин бы не уследил,
а Чичиков Гоголя готов был отказаться
за мертвыми душами гнаться!

Мы Вас просим, очень просим
переход осуществить,
потому что всем ребятам
ой, как трудно там ходить!

Невероятно, но подземный переход и вправду построили! Правда, он не был так красив, как хотелось, но сколько ребят избежало трагических происшествий благодаря банно-кафельному тоннелю!

Про себя я называю его переходом имени Ираиды Егоровны.

Много лет прошло с тех пор. Учителей наших давно уже нет. Петр Иванович с Федей, ныне Теодором, живут в Афинах, а литератор Дарья

Александровна — в Америке. Физик Михаил Яковлевич похоронен на еврейском кладбище, математик Ирина Антоновна и историк Лариса Павловна — на русском, а химик Асия Таировна — на мусульманском...

Как говорится, пусть земля им будет пухом.

История же вечной пионерки Ираиды продолжилась несколько неожиданно.

Она вышла на пенсию с мизерным пособием, в условиях развала любимого ею Советского Союза и исчезновения коммунистической партии. Единственный ее сын попал в тюрьму. Бедная женщина не имела возможности даже послать ему продуктовую посылку. Бедность, одиночество, крушение идеалов... Вот и пришлось несчастной Ираиде пойти на крайнюю меру: выйти замуж за пожилого состоятельного немца (в Советском Союзе все немцы были почему-то состоятельными). Ее избранник был человеком непростым. Оказывается, он имел какие-то весомые заслуги перед Германией — то ли шпионом был, то ли диссидентом, то ли во время войны был захвачен в плен и остался в СССР, — и всю жизнь хотел выехать в Германию, но советское правительство ему такого разрешения не давало. С крушением Союза эта возможность была ему предоставлена, и наши молодые отправились в фатерлянд, причем в западную его часть.

— Как плакала бедная Ира, как она рыдала! Тяжело Родину покидать, а что поделаешь? Жить-то надо, — рассказывала ее подруга, мать моей одноклассницы.

В германии их встречали именно так, как любила Ираида: с оркестром, барабанами, трубами и немецкими скаутами. Государство назначило старику огромную персональную пенсию, а когда через несколько лет он умер, пенсия осталась его супруге.

Недавно она приезжала в Алма-Ату: элегантная, подтянутая, еще крепкая дама. Транспортные услуги и визовую поддержку ей оказывал наш одноклассник Володя, работник ОВИР. Он и рассказал, как изменилась Ираида. «А вот у нас в Германии», — беспрерывно слетало с ее губ.

— И как вы можете здесь жить, в этом убожестве? — спросила она Володю, уезжая.

Что ж, переходы в жизни бывают не только подземными.

Секреты тети Раи

Дом, в котором я прожила детство и юность, был старым и скрипучим. Точнее, скрипучими в нем были двери и межэтажные перекрытия, а стены были прямо-таки крепостными, пригодными для жизни в осаде. Он был первым из тех домов, которые завод имени товарища Кирова,

переехавший в военное время из украинского Токмака и прихвативший с собой по дороге Махачкалинский торпедный заводик, построил для своих работников: красивый, с высокой аркой, с нарядными балкончиками и гипсовыми финтифлюшками вдоль оконных проемов.

Наш сосед со второго этажа, дядя Коля, высокий крепкий старик с пшеничными, почти не тронутыми сединой волосами, сутками пропадавший на работе, был из токмакских. А жена его Рая — маленькая, шустрая, работящая, говорливая и смешная до невозможности — была вывезена из Кременчуга, на последнем пароходе, под бомбами, и сиротствовала в Алма-Ате, пока не встретила дядю Колю и не вышла за него замуж.

Тетя Рая жаловалась мне, стоя в очереди за молоком:

— И что это за мясо, которое вчера давали в ветеранском салоне, я даже боюсь догадываться. Написали, что это баранина, но какая ж это баранина, я вас умоляю! Это такая баранина, как моя жизнь! А на вид — мясо как мясо. Я дала тому мясу маслица, я дала ему лучка жаренного, морковочки я ему дала, лаврового листика — нет, это не мясо, это какая-то картонка с обувной коробки! Дядя Коля, конечно, съел, и даже добавки попросил. Конечно, с хлебушком свежим, с огурчиком соленьким, под рюмочку водочки — а я ему налила к такому мясу — как не скушать! Но я смотрела на него сквозь слезы: это не мясо, я тебе скажу. Черт знает, чем кормят наших ветеранов войны и тыла!

Однажды я встретила ее расстроенную, с озабоченным лицом, с платком на голове.

— Ты даже не представляешь, что со мной произошло, — рассказывала тетя Рая. — Я сегодня утюг-то включила, но не так, чтобы погладить, а так, пригладить, чтобы покрывало на кровати поровнее лежало. Включила — да и на тумбочку рядом с кроватью поставила. А очки-то на пол уронила, и они под кровать попали. Я, чтоб их достать, на колени встала, а очки не видно. Тогда я на живот-то легла рядом с кроватью, очки-то достаю, а шнур от утюга задела, и утюг этот с тумбочки-то упал — и прямо мне на голову! Верись, лежу на полу, прихожу в себя и думаю: это какая ж я счастливая женщина! Это как же мне везет в жизни! А если б это был не электрический утюг, а такой, чугунный, с углями, каким мы в Кременчуге гладили? Так разве ж я бы после такого утюга с тобой бы вот так разговаривала? Да никогда в жизни, я тебя умоляю! Так бы и лежала возле кровати на коврик! А вокруг — уголья бы, что из утюга, разгорались бы! Пришел бы дядя Коля — а хаты нет, и меня нет, и кушать подать некому. Вот горе, так горе! А еще думаю: хорошо, что дяди Коли дома-то не было, а то я же ж обязательно его бы подрядила очки-то доставать! Так вот, если б ему на голову утюг-то

упал, плохи бы наши дела были бы! У него и волос уже не тот, да и вообще мужчины сейчас не такие, как раньше, — так бы и полег бы под этим утюгом. А самое главное — хорошо, что утюг-то испортился еще на прошлой неделе и еле-еле нагревается. А то упал бы мне на голову раскаленный — так я бы еще и волос бы лишилась, а так все хорошо, обошлось, слава богу.

Каждый год два раза за лето тетя Рая торжественно выносила во двор шубу из меха китайской обезьяны. Это была роскошная китайская шуба на дивной подкладке из бежевого шелка, собранной по краю какими-то невиданными ажурными крендельками. Тетя Рая бережно развешивала шубу на веревке, натянутой между деревьями, и садилась на скамейку охранять свое сокровище. Эту шубу когда-то давно, в ту пору, когда «русский с китайцем были братья навек», дядя Коля подарил молодой жене. Тетя Рая ни разу не надевала подарок, и эти дни проветривания и просушивания шубы на жарком алма-атинском солнце были единственными днями, когда соседи могли полюбоваться ее красотой. Но зато о шубе много говорили: как ее хранить, как ухаживать за мехом, чтобы он не испортился, сколько она стоила на момент покупки и сколько стоила бы сейчас... Шуба из обезьяны была предметом гордости не только самой владелицы, но и всего двора.

Тетя Рая охотно рассказывала о способах хранения редкой вещи и с благодарностью принимала от соседей апельсиновые корочки и ароматные травки с огородов, чтобы отпугивать этим пахучим мусором охочую до меха моль. Лишь однажды я уговорила тетю Раю примерить шубу. Она стояла в ней, косматой, ниспадающей до самого пола, занимая почти полкомнаты, важная, подпоясанная меховым поясом вокруг необъятной талии. Безусловно, выйти на улицу в таком наряде было невозможно, но беречь шубу как символ мужней любви и обеспеченности она продолжала всю жизнь.

У тети Раи и дяди Коли не было детей. Соседи рассказали, что их единственная дочка утонула в девятилетнем возрасте в искусственном озерке Казенок в парке имени Горького. Сама тетя Рая никогда не говорила о своем горе, и только выцветшая фотография девочки с коротко подстриженными волосами в рамке на буфете напоминала о том, что когда-то в этой квартире жил ребенок.

Тетя Рая очень привязалась к моему сынишке, и он, хоть и избалованный любовью своих бабушек, тоже тянулся к ней. Частенько, отказываясь от приготовленной дома еды, сын с удовольствием ел то, чем угощала его тетя Рая. Однажды я увидела, как он наворачивал приготовленный ею борщ, в котором, помимо привычных компонентов, присутствовали и фасоль, и рис, и даже отварные мелко нарезанные яйца. По

профессии тетя Рая была поваром и знала секреты вкусной и здоровой пищи.

— Это ангел, а не ребенок, — умильно говорила тетя Рая, глядя на моего сына, затевающего в очередной раз какое-то вредительство. — Чтоб был здоров!

И она трижды сплевывала через левое плечо.

Однажды тетя Рая позвонила и попросила к ней зайти. Я поднялась на второй этаж и зашла в ее чистенькую квартиру, в которой не было места ни пылинке, ни мусоринке, и из которой, по ее словам, она всю жизнь «делала конфетку».

— Ты знаешь, я давно хотела с тобой поговорить. Это очень важно, — с таинственным видом сказала мне тетя Рая. — Я никогда об этом никому не говорила, но тебе скажу, уж очень у тебя мальчишечка хороший, прямо золотой, хочу, чтоб он был счастлив. А какое счастье без здоровья? Ты, конечно, видишь, что я человек пожилой, а не болею. И скорую мне вызывать не приходится, как этой мадам Кулика снизу, которая только и говорит о своем здоровье и лопает гречневую кашу три раза в день. И доживу я до ста двадцати лет, как пророк Моисей. Все дело в том, что у меня есть один секрет, и я тебя ему научу. Ты будешь мне благодарна.

Мне стало скучно. В наш век скоростей, электричества, антибиотиков и стремительного развития науки слушать старушечьи бредни о секретах долгожительства... Но из уважения к собеседнице я изобразила внимание.

— Все дело в пятках, — таинственно сказала тетя Рая. — Пятки жалеть не нужно. Как встала утром — сразу встань босой на порожке, вы-ы-прямись хорошенько, подымись на носочки — и всем махом опустишь на пятки. Быстро, всем своим весом — р-р-р-раз — и на пятки. Потом, не торопясь, снова подымись на носочки — и снова р-р-раз — и на пятки. Чтоб прям стукнуло. Чтоб прям в затылок отдалось. И так раз десять. Потом в обед так сделай и вечером перед сном. Знаешь, как иной раз мужики по донышку шампанского стукнут — а пробка вылетает? Так вот все твои жилочки, все твои веночки прочистятся, все, что в них лишнего есть, вылетит, кровь по жилкам так и будет струиться без помех, и до сердца, и до головы будет беспрепятственно доходить. Делай так, дочка, и будешь здорова, как я.

— Это вы сами придумали, тетя Рая? — спросила я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали издевательски.

— Нет, что ты! Это мне еще в Кременчуге наш раввин Шломо рассказал. Он к нам любил в гости приходить, уж очень вкусно моя бабушка гефилте фиш из щуки делала. Здоровый был мужчина, красивый, а уж пел как — заслушаешься! Говорили, его в оперу петь приглашали, но

он отказался. Вот он мне и посоветовал: не жалея, Ривке, пяток — доживешь до ста двадцати лет, как Моше.

— А Ривке — это кто? — спросила я.

— Ривке — это я была, до тех пор, пока в Алма-Ату не попала. А тут уж я Раей и стала.

— И что, дожил ваш раввин до ста двадцати лет?

— Он бы точно дожил, если б смог. Он никогда не обманывал, чистый душой был человек, и людей любил, как самого себя.

— Так что ж не дожил? — с усмешкой, о которой мне сейчас стыдно вспоминать, спросила я.

— Так они же в войну с семьей как в подвале синагоги спрятались, так долго, с год, они там и пробыли, а потом немцы их нашли и прямо в подвале расстреляли. Вместе с детьми, а их у Шломо было восьмеро. А мои все в гетто на Песчаной горе в Кременчуге погибли. Так что, у меня, кроме дяди Коли, никого на свете не осталось. Вот думаю я иногда: реб Шломо никогда не обманывал, только сам был обманутый. Нет Бога и не было. Был бы Бог — разве ж он позволил бы людей безвинных убивать? И детей, и маму мою, светлая ей память? Нету того Бога, я это хорошо поняла. А вот пятками, как Шломо советовал, стучу, не жалея. И, как видишь, здорова. И никакая зараза ко мне не пристаёт. Так что я тебе свой секрет открыла, а ты уж сама думай — выполнять его или нет.

Много лет прошло. Давно не живу я в том старом доме, хоть он по-прежнему и скрипит.

Тетя Рая не дожила до ста двадцати лет, как планировала. В девяносто она умерла во сне. Утром нашли ее уже остывшей, с улыбкой на лице. Соседи говорили, что такой смерти позавидовать можно: ни дня не мучилась, не болела, умерла — как уснула.

А недавно я прочитала в медицинском журнале большую статью о пользе вибромассажа и о его влиянии на продолжительность и качество жизни. Так вот, если коротко рассказать, о чем эта статья: не надо пятки жалеть, а надо делать несколько раз в день то, что тетя Рая советовала.

Хэй, Джуд

Школа наша номер пятнадцать была невелика: небольшое здание в три этажа. Все ученики классов «А» и «Б» знали друг друга, учителя были одни и те же, уроки нередко проводились общие, и тогда в актовом зале рассаживались оба класса.

Все таблички в школе были на английском языке — даже, что вызывало насмешки учеников других школ, табличка на вечно грязном,

выкрашенном темно-коричневой краской зловонном туалете. Еще в школе имелась специальная, крытая воощенным паркетом лестница для учителей, ходить по которой детям категорически воспрещалось. Хоть умри — нельзя. Там даже дежурные пионеры стояли — учителей приветствовали, а школьников, пытавшихся пробраться по учительской лестнице, ловили и возвращали, невзирая на мольбы и просьбы.

И хор у нас был самый хороший в городе. Им руководил настоящий хормейстер из театра оперы и балета.

В хоре главное — руководитель, потому что голоса почти у всех детей обычные, и сложить их так, чтобы они звучали красиво, — дело важное и трудное. Хормейстер выходила на сцену, кланялась залу, потом поворачивалась к зрителям своим обширным бэксайдом, взмахивала красивыми ручками с маникюром... И вот уже ученики, стоя на узких длинных скамьях, слаженно и красиво поют:

Запах тополиный и сиреневый
над Москвою майскою поплыл.
Встретились весной дети с Лениным,
Ленин с ними долго говорил.
С Лениным и нынче можно встретиться.
Ленин — им вся жизнь озарена!
Посмотри, как много в мире ленинцев!
Ленин — это солнце и весна!

Голоса хористов сливаются в стройное трехголосье, пока сопрано выпевают: «Посмотри, как много в мире ленинцев», альты сурово тянут: «па-а-а-асма-а-атри-и-и», а дисканты вообще пищат: «а-а-а-а-а». Слушать хоровое пение — наслаждение, петь в хоре — и того лучше. Даром, что все песни были про одно и то же: про Ленина, про партию, про революцию и пионеров. Однако ощущение того, как твой слабый, ничем не примечательный голос, соединяясь с другими голосами, создает созвучие такой красоты, вызывало во мне восторг.

Однажды мы готовились к общегородскому конкурсу хоров. Дело это было важное, и мы, хотя и были уверены, что первое место будет нашим, все равно сильно волновались. Спевки проводились каждый день после уроков, и хористы, голодные, уставшие, старались изо всех сил.

Как раз в это время пришел к нам на практику студент из иняза. Красивый, стройный, длинные волосы сзади над воротником собраны в хвостик (это в 1973-м году!), джинсы, гитара, разноцветные носки... И имя у него было интересное: Бахыт Изящев.

Забрел как-то Бахыт к нам на спевку, послушал песню, другую, а потом и говорит:

— Что-то вы песни совсем неинтересные поете. Допотопные какие-то. Давайте вот вы, две Наташи, разучите битловскую песню «Хэй, Джуд», а я вам на гитаре аккомпанировать буду. Сейчас эту песню поет прогрессивная молодежь во всем мире, и мы ее поддержим. А то школа английская, а поете только про Ленина и только по-русски.

Учителя идею поддержали.

И стали мы учить английскую песню. Заучивали слова, переводили со словарем, чтобы понимать, о чем поем, пластинку с песней заиграли на подружкиной радиоле до дыр.

И вот наступил день конкурса. Все хористы волновались ужасно, а мы с подружкой — вдвойне. Жюри, состоящее из директоров школ и людей из горкома партии, было размещено в первом ряду. Перед ними — длинные столы под кумачовой скатертью, графины с водой, стаканы, блокноты... Все серьезно, как на партсобраниях, какими их по телевизору показывали.

И вот наконец-то объявили пятнадцатую школу. Вышли мы на сцену, синий низ — белый верх, все преисполнены важности момента. Хормейстер — в вечернем платье до пола. За фортепьяно — настоящий пианист из театра.

Зал затих. Жюри на первом ряду явно осознало серьезность грядущего выступления: предыдущие-то школы под аккордеон пели, безнадежная самодеятельность.

Взгромозились мы на скамьи и запели — и про Ленина, и про юных барабанщиков, и про то, что снится крейсеру «Авроре» в час, когда утро встает над Невой, и нашу коронную песню, которая вообще была непонятно про что, но очень торжественная:

Пусть испытают на мужество нас
Люди и звезды.
Добрые ветры и огненный час.
Сказки и проза.
Белые канаты ринга.
Северного неба сталь.
Дикая собака Динго —
Первая моя печаль.

Этой дикой собакой Динго мы просто порвали зал.

Аплодировали хору долго, потом хористы слаженно поклонились и гуськом ушли за кулисы.

И вот — наша лебединая песня.

Выходим мы с Наташей. Мы успели за кулисами переодеться: цветные блузки, короткие юбки — еле попу прикрывают, туфельки на длин-

ных ногах... Загляденье, а не девчонки. Бахыт Изящев тоже нарядный: фирменные джинсы, цветная рубашка с длинными уголками воротника, хвостик и гитара.

Зал напряженно затих.

Поклонились, Бахыт взял первые аккорды, и мы запели:

Хэй, Джуд! Донт мэйк ит бэд!
Тэйк э сэд сонг энд мэйк ит бэтта!

Старались мы изо всех сил. Мне показалось, что мы пели лучше, чем «The Beatles». А как же: такая ответственность! Мы должны во что бы то ни стало нашу английскую школу представить и никоим образом не подвести.

Спели, поклонились — и тишина...

Зал не аплодирует, а жюри так и вовсе застыло за своим кумачовым столом.

Вдруг толстый дядька в костюме с галстуком ка-ак хлопнет рукой по столу, да так, что графин подпрыгнул и зазвенел!

— Да это что такое! — кричит. — Как же такое возможно! На городском конкурсе! Посвященном Владимиру Ильичу! Такое безобразие! Стоят, завывают, вопят на иностранном языке, под гитару! Под гитару! В юбках, которые короче набедренных повязок у туземцев! Да вас из школы поганой метлой гнать нужно! В ГПТУ! Вы позорите светлое имя, которое носит ваша школа! Куда смотрят родители эти двух, с позволения сказать, девочек!

Тут все жюри ожило, зашевелилось, закачало головами, завозмущалось... Словом, началась такая катавасия, что я подумала, что сейчас приедет милиция, и прямо со сцены нас увезут учиться в ГПТУ.

В слезах мы убежали со сцены, ставшей местом позора. Бахыт Изящев плелся следом в состоянии крайнего недоумения. Плечи его были опущены, гитара уныло свисала на ремне... Выступление не удалось, и прогрессивная мировая молодежь так и не узнала о нашей поддержке.

Хорошо, что мама подруги моей большим и важным человеком была. По ее звонку «куда надо» все спустили на тормозах, и даже в школе нас не ругали.

А то ведь и из комсомола могли вытурить! За приобщение к мировой культуре.